
В. В. ЛАПКИН

ГОСУДАРСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ: КАТАСТРОФЫ XX В. И ВЫЗОВЫ XXI В.

В статье в контексте происходящих в последние годы глобальных политических, социокультурных и экономических трансформаций анализируются проблемы развития/неразвития в современном мире, коллизии политической субъектности (суверенитета), государственной легитимности, статусности (statehood) и состоятельности (stateness). Развитие событий дает все более серьезные основания предполагать грядущее преобразование фундаментальных принципов прежнего миропорядка. Авторский анализ сосредоточен на одной из ключевых предпосылок понимания существа такого преобразования – на эволюции представлений о национальном (национально-территориальном) государстве и мировой системе (континууме) таких государств, а также о скрытом эволюционном потенциале концептов государства и государственности. Особую значимость, по мнению автора, в настоящий момент приобретает изучение природы современного государства безотносительно его формального «национально-территориального» институционального каркаса, а также характера новых системных практик современной государственной политики, выходящих за соответствующие нормативные рамки. В статье даны ретроспективный анализ и перспективный прогноз исторических метаморфоз симбиотического единства глобального рынка и мирового сообщества территориальных государств на протяжении последних трех веков и на ближайшую перспективу, обозначены наиболее серьезные вызовы современному политическому мироустройству.

Ключевые слова: государство, культура, цивилизация, национальное государство, национальный рынок, мировой рынок, капитализм, миропорядок, империя, социальная трансформация, эволюция.

Введение

Усиление экономического и политического влияния, а также стремительное возрастание геополитических амбиций целой плеяды западных держав в первые десятилетия XXI в. поставило под сомнение претензии на универсальность миропорядка, продвигаемо-

го Западом и его гегемоном (подробнее см.: Лапкин 2018а: 41–45). Формируется запрос на альтернативу глобальному универсализму. Проступают контуры новой глобальной политической повестки: возрождающиеся незападные державы обустроивают каждая собственную периферию, призванную обеспечить ресурсами развития их растущую мощь, возрождают собственную систему контроля над внешними рынками, пусть даже в ограниченном формате локальных зон влияния. Потеснив проект универсальной империи (*Pax Americana*), демонстрирующий все более очевидную несостоятельность, первостепенное значение в мировой политике приобретает мозаично проступающий новый проект – *неиерархического мироустройства*.

По сути, мы стоим в преддверии новой эпохи глобальной дифференциации, идущей на смену прежней эпохе интеграции (Пантин, Лапкин 2014: 204–234), чьи достижения, скорее всего, не будут отвергнуты и станут важным унаследованным *ресурсом развития* новой эпохи. Речь о новом, невиданном прежде уровне глобализации международных отношений и беспрецедентной коммуникационной мобильности. Дело идет к новому «переделу мира» между сохраняющими на сегодня свой субъектный потенциал центрами силы, не претендующими уже на глобальную гегемонию, но причудливо дробящими современное глобализованное *пространство* (совсем недавно казавшееся почти единым) на отдельные локальные *территории*, контролируемые и интегрируемые этими центрами силы¹.

Этот передел происходит поверх государственно-территориальных границ, глобально обустроивших территориальное членение мира в рамках прежнего миропорядка. Теперь же новые державы, беря пример с мирового гегемона, активно привлекают для обустройства контролируемой периферии псевдоимперский инструментарий: их финансово-экономические структуры решают задачи обеспечения инвестиционной и мобилизующей ресурсы развития деятельности на этих территориях, а политико-правовые – задачи нормативной унификации, создания условий для их более полной ассимиляции рынками контролирующей эти территории державы.

¹ О содержательном различении концептов *пространства* и *территории* подробнее см.: Лапкин 2018б.

Данный тренд – как фактически очевидность, – опережая других лидеров Запада, признал Э. Макрон на встрече с послами республики 27 августа 2019 г., вскоре после окончания очередного саммита G7. В своем выступлении он сделал ряд поистине сенсационных для западного политика признаний: о «конце западной гегемонии над миром», о «появлении новых держав, влияние которых мы долгое время недооценивали», о том, что «Китай на переднем крае, но и российская стратегия проводится с большим успехом»².

Происходящая на наших глазах глобальная трансформация предоставляет возможность критически мыслящему наблюдателю освободиться от многочисленных укоренившихся в прежние годы иллюзий и стереотипов восприятия политического мироустройства в духе равноправия объединенных наций. В реальной политике сегодня проявляются многочисленные новые «международные» режимы и форматы политического взаимодействия. Вновь актуализируется проблема зависимого развития, которое уже не сулит слабору никаких радужных перспектив. Наконец, очевидным становится повсеместно наблюдаемый отрыв значительной части так называемых национальных элит от их национальных сообществ, интеграция их в пресловутый «золотой миллиард» (который, безусловно, на порядки менее многочислен, но определяющее влияние которого вряд ли можно приуменьшить).

В современном мире дилемма *развития/неразвития* приобретает новые грани и своего рода драматическое звучание. Такая постановка проблемы выбора диагностирует завершение – в глобальном масштабе – эпохи модернизации, периода безальтернативной ориентации современной политики на ценности общественного самопреобразования в русле, определенном институтами и практиками, сформировавшимися в культурно-цивилизационных условиях западноевропейского Нового времени. В рамках этих изначально *партикулярных* институтов и практик модернизации, распространенных капитализмом в качестве *глобальной и универсальной*

² “La fin de l’hégémonie occidentale sur le monde <...> à l’émergence de nouvelles puissances dont nous avons longtemps sous-estimé l’impact <...> la Chine au premier rang, mais également la stratégie russe menée avec plus de succès...” (цит. по: France... 2019; см. также: Макрон... 2019).

нормы, считалось аксиомой, что на развитие и пресловутый прогресс были обречены все без исключения сообщества по мере их приобщения к ценностям современной жизни (эталонные образцы которых демонстрировала Европа, а с XX в. и США). Различия между странами, вступившими на путь модернизации, с позиции нормативной теории определялись лишь интенсивностью их включения в процесс (то есть остротой желания приобщиться к благам демократии, конкуренции, общества потребления). В те, теперь уже минувшие времена зависимость предполагала нежелательные последствия, только если она была традиционалистской, нагруженной отрицательными коннотациями (то есть колониальной или неоколониальной). Зависимость же от мирового рынка и его лидеров, наиболее успешно модернизирующихся государств (финансовая, технологическая, политическая, в конце концов) была естественна, сулила радужные перспективы и зависимостью как таковой не считалась – в соответствии с идеалами «взаимозависимого общечеловеческого развития» и идеей принципиальной эволюционной незавершенности и незавершенности модернизации.

Теперь же обнаружилось, что никакое политическое сообщество в мире, никакой народ не «обречен на развитие», а зависимость от успешного «старшего брата» закрывает пути к достижению собственного успеха. Дилемма *развития/неразвития* становится проблемой политического выбора сообщества, прежде всего связанной с сохранением им своей политической субъектности (суверенитета) либо добровольным делегированием той или иной его части внешним субъектам. Однако способность сообщества сделать такой политический выбор непосредственно определяется качеством той политической формы, в которую оно облечено, качеством государства, его состоятельностью.

Вместе с тем наблюдаемый сегодня, но теоретически никем не предвиденный процесс разрушения и последующего, как можно предположить, преобразования миропорядка является колоссальным вызовом теоретикам и методологам социальной и политической науки. Ответ на этот вызов требует сконцентрировать внимание на прояснении ряда понятий и концептов, доселе нами недостаточно отрефлектированных. В рамках данной статьи основное внимание будет уделено эволюции представлений о национальном

(национально-территориальном) государстве и мировой системе (континууме) таких государств, а также анализу скрытого эволюционного потенциала концептов государства и государственности, что в условиях текущего кризиса приобретает особую значимость. Будет предпринята попытка продвижения к пониманию природы современного государства безотносительно его формального «национально-территориального» институционального каркаса, а также характера системных практик государственной политики, выходящих за соответствующие нормативные рамки.

Феномен государства

По мере того как в рамках западноевропейской традиции эпохи Реформации и Контрреформации сформировалась потребность в рефлексии политического устройства общества, анализу подвергся и институт государства, до того времени синкретически сливавшийся в понятие с персоной властителя (властвующей династией, правовым порядком престолонаследия). В результате были аналитически вычленены и сформулированы принципы, выстраивающие государство: суверенитет, легитимность и территориальность. А само государство было подвергнуто реконцептуализации как *Commonwealth* (то есть как олицетворение *общественного* богатства, благосостояния; здесь очевидна перекличка с римской *Res publica*, *общественная собственность*). Эти три принципа (легитимность, суверенитет и территориальность) претендуют на формирование некоего единства: так в рамках нормативного подхода суверенитет понимается как «концепт, связывающий власть и общество легитимацией (внутренней и внешней) на определенной территории...» (Окунев 2013: 24).

Рассмотрим три ключевых принципа новой государственности более внимательно.

Наличие *суверенитета* предполагает, что некий правящий субъект (институт или легитимный правитель) обладает качеством *независимости* от кого и чего бы то ни было в осуществляемой им внутренней и внешней политике государства (политике в отношении подданных/граждан и в отношении иных суверенных субъектов соответственно). Данный принцип содержал неустранимое внутреннее противоречие, проявляющееся при первых же практиче-

ских действиях суверенного государства. Любые межгосударственные (международные) договоры и соглашения, а также конституция государства и значительная часть иных законов, регулирующих внутригосударственную жизнь, регламентируют деятельность правящего субъекта, делают ее *зависимой*, становятся связывающими его обязательствами, ограничивающими суверенитет, принуждающими суверена к отчуждению части (тех или иных составляющих) своего суверенитета в пользу иных субъектов политики.

Легитимность, как правило, понимается как соответствие политической (государственной) власти интересам и устремлениям общества. Государственная власть обретает легитимность, когда все подданные/граждане государства *de facto* признают ее право на руководство ими и закрепление за нею монополии на применение по отношению к ним законных и процедурно регламентированных мер принуждения. По мере развития современного государства все более востребованной функцией легитимной государственной власти становится ее символическое посредничество в обеспечении взаимного исполнения обязательств находящимися в сфере ее ответственности субъектами частноправовых отношений. Вместе с тем легитимность власти предполагает процедуру регулярного ее подтверждения подвластными. В практиках современного государства, согласно политической теории, легитимация власти должна предполагать участие граждан в обсуждении конкретных политических альтернатив и выработке политических решений. При этом процедура легитимации государственной власти в известной степени оказывается ограничительной для ее суверенитета, поскольку предполагает принятие властью на себя определенных обязательств в отношении подвластных взамен на их лояльность. Со времен Вестфальского договора легитимация любого государства на практике имеет и внешнеполитическую составляющую, также сопряженную с дополнительными ограничениями суверенитета и предусматривающую признание со стороны других государств, их своего рода согласие на его вхождение в этот особый клуб. Коллизии суверена, обремененного обязательствами, зачастую порождают государственные кризисы, вплоть до международных конфликтов (коллизии статусности государства, *statehood*) и проблем государственной состоятельности (*stateness*) (см.:

Ильин 2008: 11, 16–18). Наряду с этим все чаще наблюдаются случаи частичной делегитимации тех или иных традиционных политических институтов, прочно интегрированных в политическую систему современного общества, например, институтов многопартийности и партийно-политического представительства в целом.

Территориальность как принцип государственного строительства подразумевает беспрецедентный по тотальности и эксклюзивности контроль над политическими процессами на территории данного государства, а также над трансграничными коммуникациями³. Сегодня этот принцип даже многим специалистам представляется естественным и безальтернативным. Но, к примеру, для такого большого класса государственных образований, как империи (как исторические, так и существовавшие в Новое время и, по некоторым авторитетным оценкам, продолжающие существовать поныне), характерно «отсутствие закрепленных или постоянных границ» наряду с включенностью в них «разнообразных групп и территориальных единиц» (Colomer 2007: 3; см. также: Коломер 2008: 44). Более того, «имперская форма правления охватывает все большую часть мирового населения» (Colomer 2007: 5; Коломер 2008: 45). Тем не менее в политологическом дискурсе зачастую бытует тавтологичная конструкция: *территориальность* есть непреходящий атрибут *национально-территориального государства*, единственной государственной формы, принимаемой во внимание нормативной теорией современного государства и практикой официальных межгосударственных отношений.

Итак, Вестфальский договор, подписанный в 1648 г. по итогам Тридцатилетней войны, положил начало формированию новой модели межгосударственных отношений, первоначально в рамках Европы, а затем и всего остального мира. Прежняя модель политического порядка христианского мира, наиболее внушительным оли-

³ Граница суверенного территориального государства подобна клеточной мембране, с помощью которой клетка ограждает себя от внешней среды, строго контролирует и регулирует свой метаболизм, более того, влияет на окружающую ее среду посредством, например, выделяемых клеточных медиаторов. Контролируемая полупроницаемость границы территориального государства стала решающим фактором стремительной трансформации составлявшего его изначально полиэтнического сообщества в этнически однородное.

цветворением которой была Священная Римская империя германской нации, стремительно утрачивала свою значимость. Порожденная в ходе римско-католической трансформации варварских германских протогосударств в эпоху Карла Великого и долгие века формировавшаяся единая нация (католическая, использующая латынь в качестве нормативного языка общения и римское право в качестве основы унифицированного общеевропейского рынка) теперь распадалась. На смену ей приходила система суверенных национальных государств (в идеале – наций-государств), обуславливающих взаимным признанием существование друг друга и право на обладание всей полнотой власти на своей территории. Именно такое территориально определенное государство стало универсальным элементом («кирпичиком») в последующей сборке охватывающей весь мир единой политической системы («европейский концерт» > Лига Наций > ООН). Однако в качестве одного из ярких парадоксов следует отметить: многие современные национальные государства существуют при отсутствии нации (ее несформированности или фундаментальной и непреодолимой неоднородности протонационального субстрата).

Отметим, что первый опыт территориального членения политического пространства и сформировавшегося на этом пространстве единого рынка продемонстрировала еще Северная Италия XV в.⁴ (наиболее развитый на тот период регион христианского мира). В середине XVII в. такое членение в форме Вестфальской системы утвердилось в Северо-Западной Европе и в течение почти трех веков распространялось на пространства, включаемые в сферу европейской политики, а также относящиеся к ней в форме переселенческих колоний европейских держав, прежде всего британских и иберо-американских, а во второй половине XX в. было перенесе-

⁴ Речь идет о попытке формирования системы территориальных политий на севере Италии в середине XV в., в рамках так называемой Итальянской лиги (*Lega Italica*), концептуальную фиксацию чего связывают с введенным Н. Макиавелли в «Государе» «зонтичным понятием» *Stati* (государство, состояние), объединяющим *Repubbliche* (республики) и *Principati* (монархии): «Все государства-состояния, все державы, которые имели и имеют власть над людьми, были или являются республиками или монархиями» (Machiavelli 1961: 3). Так, Квентин Скиннер обнаруживает у Макиавелли «некоторые элементы узнаваемой современной концепции государства» (Skinner 1989: 98; см. также: Скиннер 2002; Ильин 2008: 11).

но на весь мир. «Вестфальский порядок означал попытку европейских держав навязать всему миру четкие границы, делимитирующие пространство, на которое распространяется суверенитет государства, разделить мир на своего рода клетки-«контейнеры»» (Колосов 2018: 28).

Условием актуализации территориального принципа разграничения социально-политического пространства всякий раз являлась стремительно растущая в соответствующий период времени плотность взаимодействия политических и хозяйствующих субъектов на этом пространстве, требующая трансформации рамочных условий регулирования этих взаимодействий и ликвидации «бесхозных» территорий, остающихся в ведении традиционных институтов (сельская община, натуральное хозяйство, практики взаимности и перераспределения). Рост социальной мобильности и системы коммуникаций (прежде всего институтов и практик рыночного общения, вторгающихся в пространство малых сообществ, цехов, гильдий, общин, семьи, наконец) порождал потребность тотального освоения пространств, до этого «свободных», то есть принадлежавших прежде всему сообществу.

Собственно классические западноевропейские национально-территориальные государства складывались как социально-политические структуры, оформляющие относительно автономные внутренние рынки⁵ соответствующих полиэтнических сообществ. Непременными элементами ресурсного обеспечения этого процесса являлись колониальная торговля и прямое вливание в их рыночный оборот золота из колоний, а также защита со стороны государства от конкуренции извне. Именно в таком защищенном и обеспеченном эксклюзивной ресурсной поддержкой формате западноевропейские державы в течение нескольких веков активно хозяйствовали на международном рынке, что принципиально отличало их от прочих его субъектов, не обладавших такими инструментами защиты.

⁵ В период активного нацистроительства «обособленный» внутренний рынок национального государства становился действенным инструментом властного принуждения к единству языка, конфессии, исторического нарратива и культуры. Сегодня в гротескных формах эту политику принуждения этнических меньшинств к культурной, ценностной и языковой однородности пытается проводить олигархический режим постмайданной Украины.

Отметим, что далеко не всем европейским державам удавалось эффективно наполнить «контейнер» территориального государства национальным содержанием. Так, Германия и Италия только ко второй половине XIX в. смогли завершить переход от конгломерата территориальных государств с почти однородным (с точностью до субэтнических различий) населением к единому национальному государству, ускоренно решающему задачи нациестроительства. Австрия смогла осуществить это, только потеряв всю свою полиэтническую имперскую периферию и пройдя через горнило двух мировых войн XX в.⁶

Иными словами, формирование универсальной национально-территориальной модели государственности, ее формальное институциональное оформление и наполнение «национальным» содержанием территориально ограниченного «контейнера» продолжалось в течение нескольких веков и в целом завершилось лишь по итогам Второй мировой войны, то есть в середине XX в.

Но параллельно с процессами территориального членения мировых пространств на государственные «клетки-контейнеры» в те же века шли процессы прямо противоположной организации глобального мира. Речь идет о трансграничной, имперской по своей природе *интеграции мира*, еще до конца не расчлененного на национальные территории. В ходе такой интеграции шло формирование того самого единого глобального рыночного пространства со своими универсальными нормами, институтами и практиками (мира капитализма), что являлось предпосылкой тотального территориального членения и последующего повсеместного продвижения национально-государственной модели.

Причем на первых порах (вплоть до катастрофической трансформации 1914–1945 гг.) такая интеграция проходила по преимуществу в формах активно развивающихся колониальных империй (так называемый колониальный передел мира), которые требовались успешным европейским державам для полноценного развития их национальной государственности и конкурентоспособного национального рынка, для решения задач индустриализации и соци-

⁶ Важной особенностью этих трех держав, отличающей последних от их прочих европейских партнеров, была слабость (а в случае Австрии – отсутствие) системы заморских колоний (подробнее об этом будет сказано ниже).

альной модернизации. Все это призвано было обеспечивать их легитимность и участие в качестве суверенных субъектов эволюции мирового рынка в рамках существующей в течение практически всего этого периода (с начала XVIII в. и до конца 1930-х гг.) полицентрической системы *Pax Britannica*.

Итак, *новый империализм* выполнял важнейшую функцию поддержки процессов нациестроительства (формирования рыночного общества и финансово-экономического суверенитета) в европейских и тяготеющих к Европе державах⁷, существующих в условиях конкуренции и взаимной легитимации в рамках имеющейся на тот период международной системы территориальных государств. Потребность в распространении своего контроля не только на собственные (суверенно охраняемые) национальную территорию и национальный рынок, но и дополнительно на имперский ореол зависимых территорий и сложившихся там локальных рынков была характерна вплоть до Первой мировой войны практически для всех претендентов на членство в этой системе⁸. Без этого дополнительного ресурса стратегическая задача обеспечения суверенитета национального рынка – главное условие формирования национально-территориального государства – становилась фактически невыполнимой⁹.

Типологически *новый империализм* можно подразделить на империализм заморских колоний (как переселенческих, так и непосредственно включающих в мировую торговлю, на условиях зависимости, относительно развитые неевропейские, а также протогосударственные туземные сообщества) и империализм, выстраивающий территориально единое имперское тело, структурно разделенное на отсталую периферию и ориентированную на развитые европейские рынки имперскую метрополию. Система заморских колоний

⁷ Напомним, например, что в первой половине XIX в. характеристика Османской империи как «больного человека Европы» (“*sick man of Europe*”) вызывала дискуссию лишь в части «болезни», но не принадлежности к европейскому сообществу государств.

⁸ «...Нации для себя, империи для колоний – вот формула, которая описывает державы-метрополии европейского типа в их зрелом виде на протяжении XIX – начала XX века» (Паин, Федюнин 2017: 56).

⁹ Стоит, впрочем, отметить случай Швейцарии – весьма показательное исключение, особая территория специализированных коммуникаций.

была характерна для наций первого эшелона (стран, наиболее успешно решающих задачи национальной консолидации) – Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Нидерландов, Дании, Швеции, а также, с оговорками, Бельгии и Италии. Империализм второго типа – для Австро-Венгерской, Османской и Российской континентальных империй, в которых зависимые территории были структурно интегрированы в единое имперское пространство, в рамках которого четко различались имперская метрополия и имперская периферия. Именно последняя была объектом мобилизации дополнительных ресурсов для государственного строительства. Наконец, Германская империя пыталась сочетать оба варианта ресурсной мобилизации и, наряду с заморскими территориями (не столь значительными, как у Великобритании и Франции)¹⁰, имела имперскую периферию на своих восточных границах (Силезия, Померания, Познань / *Provinz Posen*)¹¹. Именно стремление Германской империи, почти полноценного западноевропейского государства-нации, обеспечивать полностью свои потребности развития за счет расширения заморских колоний и тем самым окончательно интегрировать свою восточную периферию в единое национальное тело стало одной из главных причин ее рокового конфликта с крупнейшими колониальными державами начала XX в. Великобританией и Францией, предпосылкой мировой войны.

Очевидно, что три другие континентальные империи Европы начала XX в., не обладавшие ресурсом заморских колоний, не имели шансов интегрировать периферию в единое тело национального государства. Возможности традиционного пути нациестроительства для них оказались к этому времени исчерпанными. Во многом –

¹⁰ В Африке это были Германская Восточная Африка, Германская Юго-Западная Африка, Германская Западная Африка (сейчас соответственно Руанда, Бурунди, часть Танзании, Намибия, Камерун и Того). В Океании – Германская Новая Гвинея (включая Маршалловы, Марианские, Северные Соломоновы, Каролинские острова, остров Науру и др.), Германское Самоа, острова Палау и т. д. Упомянем также и оккупацию Циндао в Китае (1897–1914 гг.).

¹¹ Именно веками складывающаяся структурная амбивалентность Германии (прежде всего – Пруссии, имевшей свою историческую Восточную территорию, но также и обширные земли на Рейне) обусловила амбивалентность ее колониальной стратегии, а также предопределила – в период биполярного мира – ее распад на два государства, западное (ФРГ) и восточное (ГДР).

по той прозаической причине, что к концу XIX в. колониальный раздел мира в основном завершился¹². К тому же еще с конца XVIII в. в ряде регионов мира начались процессы продвижения переселенческих колоний к политической и экономической независимости от метрополии (наиболее ярким их воплощением стали Американская революция 1773–1783 гг. и Война за независимость испанских колоний в Южной Америке 1808–1833 гг.).

Именно кризис традиционной стратегии нациестроительства, до этого эффективно реализуемой европейскими державами в течение более двух веков, стал фундаментальной причиной геополитической катастрофы первой половины XX в.

Катастрофа 1914–1945 гг.

Накануне Первой мировой войны в Европе царила уверенность в неизменности установившегося миропорядка, в мирном и процветающем будущем для всех европейских держав, основанном на незыблемости сформировавшихся в этих державах национальных рынков и систем собственности. Это был плюралистический миропорядок, в котором в относительном согласии сосуществовали глобалистские нормы *Pax Britannica* и нормы национальных капиталистических рынков с поддерживающими их относительную суверенность национальными частноправовыми системами.

При этом каждая из европейских держав обладала в той или иной мере развитой системой зависимых территорий, предоставляющих критически важные дополнительные ресурсы для государственно-национального строительства.

Все четыре континентальные империи Европы (Австро-Венгерская, Османская, Германская и Российская) стали главными жертвами Первой мировой войны, были разрушены ею. Фактически Первая мировая война продемонстрировала, что наличие структурно выделенной имперской периферии в едином территориальном пространстве этих четырех держав стало главным препятствием

¹² Обратим внимание, сколь печально закончилась для России попытка в самом конце XIX в. обрести в качестве колоний китайскую Маньчжурию (Желто-россию) и Корею. В противостоянии России, причем на стороне другого претендента на эти территории – Японии, оказались практически все мировые державы, в первую очередь Великобритания и США.

в процессе нациестроительства. Более того, эти периферийные территории превратились в главных субъектов сецессии в ходе имперского распада. При этом распад Австро-Венгерской, Османской и Российской империй осуществлялся с образованием новых государств или зависимых (подмандатных) территорий других держав. Тогда как в результате краха Германской империи территории ее восточной периферии отошли к вышедшим из состава Российской империи Польше и Литве¹³.

В итоге Австрии, Германии и Турции фактически удалось сохранить лишь территорию своей метрополии. Судьба Российской державы, как хорошо известно, оказалась еще более причудливой. Ценою коммунистического эксперимента она нашла возможность сохранить большую часть своей имперской периферии, окончательно лишив себя при этом перспективы нациестроительства. Решая задачи индустриальной модернизации, она избрала стратегию реконструкции потенциально безграничного имперского пространства (вспомним идеи мировой революции и энтузиазм III Интернационала), предпочтя ее развитию в тесных рамках территориально локализованной метрополии. Тем не менее ее новое имперское тело лишилось в сравнении с прежним наиболее вестернизованных территорий – Польши, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, а также ряда западных областей Белоруссии и Украины.

Не менее важным, чем распад континентальных империй *Большой Европы*, итогом Первой мировой войны стало формирование второго эшелона национально-территориальных государств в Восточной Европе, для которых именно идея нации и идеология национализма оказались главными драйверами государственного строительства. А сама Европа превратилась в арену борьбы таких «национализмов», как уже состоявшихся, так и активно претендующих на то, чтобы состояться. При этом главной особенностью новых европейских государств данного периода были принципиальная неполнота и ущербность ресурсного оснащения соответствующих проектов государственного строительства. Эта их фун-

¹³ Отметим также, что значительные части входивших в состав Российской империи Армении и Бессарабии оказались включены по итогам послевоенного урегулирования в состав соответственно Турции и Румынии.

даментальная дефектность проявлялась как в неспособности завершить консолидацию разнообразных локализованных на их территории этнических групп в единую нацию, так и в системном несовпадении государственных границ с границами важнейших этнических сообществ, а также в отсутствии колониального ресурса нациестроительства. В результате новые государства оказывались неспособными защитить свои внутренние рынки и противостоять конкуренции держав – победителей Первой мировой, обреченными на десоверенизацию и зависимость от «капризов» проводимой этими державами большой политики.

Колоссальный разрушительный потенциал этой конфликтности («борьбы национализмов», не обеспеченных ресурсами полноценного государственного строительства) инициировал еще одну – Вторую мировую – войну и радикально трансформировал прежний миропорядок, а также саму парадигму нациестроительства (включая представления о суверенитете и легитимности).

Биполярный мир и униполярная дисфункция

Миновав полосу глубочайшего кризиса и двух мировых войн, мир к середине XX в. пришел к унифицированному решению, «упаковывающему» все этно- и социокультурное многообразие незападных сообществ (большинство которых получило возможность политического самоопределения в ходе распада разного рода западных и незападных, «заморских» и континентальных империй) в институциональную оболочку национально-территориального государства. Его формальная институциональная рамка, теперь индифферентная к вопросам экономического, политического и культурного суверенитета, раскрыла поистине, как казалось, безграничные, глобальные возможности экспансии финансов, технологий, торговли и культурного импринтинга со стороны ведущих западных держав, и прежде всего США. С этого момента и формально по сей день национально-территориальное государство остается рамочным условием легитимации любого претендента на членство в международном сообществе современных государств. Но за единообразием такого устройства мировой политической системы со временем все отчетливее проступало фундаментальное различие двух типов национального государства. О первом, классическом

типе (со всеми его вариациями, выявившимися к концу XIX в.) речь шла ранее (в подразделе «Феномен государства»). Теперь же был стимулирован процесс повсеместного формирования национальных государств *второго (неклассического) типа*.

Для обретения статуса национального государства теперь стали несущественными особенности традиционной политической культуры соответствующих сообществ, не принималось во внимание отсутствие способности и возможностей формирования автономного внутреннего рынка, вокруг которого складывалась бы политическая нация. Мировой рынок в лице его ведущих держав был заинтересован скорее в обратном, в культивировании в институциональных рамках территориального государства автохтонных социальных и политических инструментов взлома традиционных местных рынков, создания условий для укоренения универсальных поведенческих норм глобального рынка и соответствующих практик в сферах культуры, политики и экономики¹⁴.

В результате далеко не все новые государства, возникшие в ходе деколонизации второй половины XX в., а также краха биполярной системы конца 1980-х – начала 1990-х гг., сумели сформировать содержательное наполнение этой «рамки», соответствующее идеальному типу политически консолидирующего общества национально-государственного начала (политической нации). Этим обстоятельством обусловлены многие внутренние дисфункции современного государства, вплоть до многочисленных проявлений государственной несостоятельности (Ахременко и др. 2019; Ильин, Кудряшова 2011; Ильин, Мелешкина 2010; Kolstø 2006 и др.). В числе дисфункций нациестроительства в этих случаях следует упомянуть такие драматические явления, как геноцид, кровопро-

¹⁴ Конфликтность и противоречивость трендов реальной политики и политической концептуализации проблемы территориального размежевания в период после Второй мировой войны отмечает и В. А. Колосов: «Хотя попытки создания наднациональных политических и экономических институтов в Европе начались почти сразу после 1945 г., именно в эпоху холодной войны материализовалась идея национальной гегемонии. Принцип национального суверенитета как источник геополитической стабильности, обеспеченной в том числе государственными границами, служащими эффективными маркерами суверенитета, оставался почти неприкосновенным» (Колосов 2018: 23).

литные межэтнические конфликты, сецессия, апартеид путем введения статуса «неграждан» и пр.

В целом же миропорядок, сложившийся по итогам Второй мировой войны, стал более единообразным, принуждающим национальные кейсы к целенаправленной перестройке, к принятию общих универсальных норм, соответствующих потребностям *Pax Americana*. Теперь уже глобальные нормы и транснациональные рынки стали доминирующими и структурообразующими элементами капиталистического миропорядка, а национальные (страновые) особенности – чем-то маргинальным, «уходящей натурой»... В маргиналии в этот период попала и тема цивилизаций, не говоря уже о теме имперской государственности. Единый глобальный рынок предполагал лишь одну – мировую, тотально коммерциализированную – цивилизацию и единый властный империум – власть глобального капитала (мирового рынка).

Более того, еще в конце 1940-х гг. было найдено паллиативное решение проблемы двух наиболее сложных культурно-цивилизационных случаев, двух преград на пути экспансии глобального капитализма и единого мирового рынка. Россия (СССР) и Китай (КНР) были как бы вынесены временно за скобки нового универсального миропорядка, породив феномен пресловутой глобальной биполярности, когда в рамках универсального миропорядка *Pax Americana* было выделено два больших анклава, порядок в которых на некоторое время сохранялся иным (в известном смысле *прежним*) и слабо контролировался мировым лидером. Расчет, по-видимому, делался на то, что со временем сообщества в этих анклавах самостоятельно проделают подготовительную работу и затем присоединятся к универсальному миропорядку.

Тем временем США, воздвигнув «железный занавес» и «по праву победителя» перестроив под свои нужды структурную организацию мировых финансов и торговли, провели полную реорганизацию управления послевоенного мира капитализма и к концу 1950-х гг. предложили ему универсальную модель прогресса. В рамках этой модели США как новый глобальный гегемон последовательно сохраняли за собой монополию в вопросах выработки универсальных (универсалистских) идеал-типических образцов прогресса, а также всеми возможными средствами поддерживали

монопольное положение своей финансовой системы в качестве ядра и несущего элемента глобального механизма накопления капитала.

Период *биполярности*, переходный от плюралистического к униполярному миропорядку, продлился менее полувека. Тем не менее именно в этот период была проделана большая часть работы по освобождению системы глобального рынка и глобалистских, транснациональных структур в мировой экономике и политике от конкурентного давления со стороны национальных рынков и суверенных интересов национальных государств. С течением времени все более значимая часть так называемых национальных элит стремилась идентифицировать себя скорее с глобальной элитой, нежели с элитой собственного государства.

На фоне невиданного прежде по длительности и устойчивости повышательного тренда мировой экономической конъюнктуры (по существу, за исключением кратковременных моментов рецессии, охватывающего весь период с начала 1950-х гг. и до 2008 г.) в бизнес-кругах большинства стран (до 1989–1991 гг. – за исключением государств коммунистического блока) все более привлекательной становилась «антипатриотическая» позиция. Отказ от защиты экономического суверенитета своей страны представлялся крайне выгодным для бизнеса, компрадорский характер которого усиливался. Более того, бизнес обеспечивал тем самым себе и своим активам защиту со стороны США и контролируемых ими финансовых институтов в прямом противостоянии с собственным государством. Иными словами, у национального государства его традиционная основа (суверенный национальный рынок) буквально «уходила из-под ног», национальное сообщество теряло консолидирующий его инструментарий, оказывалось беззащитным перед напором «мультикультурных» практик.

В итоге почти на полвека (условно, на период 1955–2005 гг.) США обрели в лице такого компрадорского бизнеса, посредничающего в вывозе из этих стран капиталов, природных ресурсов, рабочей силы и разнообразных товаров, своего надежного, как казалось, союзника. А с его помощью – получили контроль над социальными процессами в этих странах, а также способность блокировать развитие в них автономной финансовой системы, суверенного инвестиционного и технологического потенциала. Но Соединенные

Штаты в своем тактически безупречном расчете в долгосрочной перспективе недооценили склонность этого компрадорского капитала в ряде случаев, особенно по мере развития внутреннего рынка соответствующих стран, а также при условии высокого темпа роста экономики и внутреннего накопления, претендовать на пересмотр изначального базового «договора» с мировым гегемоном. Тем более что в начале 1990-х гг. многие положения этого «договора» были пересмотрены самими США, которые в кураже победы в холодной войне объявили переход к униполярному миропорядку.

Распад коммунистического блока и биполярной системы мироустройства в конце 1980-х гг. стал по существу апофеозом этой глобальной институциональной модернизации и обусловил появление на его руинах целого созвездия новых национально-территориальных государств, значительная часть которых входит сегодня в ЕС.

Но именно с момента крушения биполярной системы конфликт между этими зачастую имитационными институциональными формами, с одной стороны, и ценностными и политико-культурными традициями, присущими большинству населения незападных стран, – с другой, начинает превращаться в осязаемый фактор глобальной политики, способствующий ускоренной деградации прежнего иерархически выстроенного миропорядка.

Крах в 1989–1991 гг. придал дополнительный импульс процессу универсализации миропорядка, открыл перспективу строительства последовательно униполярного мира. Но идея пресловутого «униполя» (о нем см., например: Страус 1997; Tizzard 2017) распространилась и стала воплощаться стороной, победившей в «противостоянии систем» (называемом еще *холодной войной*), намного опережая процессы формирования культурных предпосылок такой глобальной унификации. В результате к концу XX в. повсеместно, в том числе и в Европе (особенно в ее Южном и Центральном-Восточном регионах), стали наблюдаться разного рода сбои в осуществлении универсализующей трансформации – следствие системной неготовности к ней местных сообществ. При этом, что характерно, местные политические элиты новых демократических государств, возникших на территории бывшего коммунистического блока, поспешили «отрапортовать» о начале ускоренного движения

этих сообществ по пути либеральной демократии, толерантности, признания примата международных правовых и поведенческих норм над национальными, о своей поддержке политики демонтажа собственного национального (местного) рынка и стратегии бескомпромиссного вступления в единый глобальный рынок, а вместе с тем – о своей готовности бесконфликтно принимать все неизбежные следствия такого политического выбора.

Переход в 1990-х гг. к *униполярному миропорядку* стал главным эволюционным итогом глобального распространения национально-территориального принципа *организации политического пространства*. Но вместе с тем данный переход обозначил до тех пор скрытую, но латентно всегда присущую этому организационному принципу столь же глобального масштаба *дисфункцию: венцом развития* международной системы национально-территориальных государств стала униполярность, то есть *система глобальной гегемонии мировой сверхдержавы*.

США открыли ящик Пандоры. Все большее распространение с этого времени получают не подкрепленные международной легитимацией практики координации мирового и регионального порядка посредством как ситуативных коалиций все более и более произвольных форматов, так и транснациональных сообществ, распространяющих повсеместно юрисдикцию сверхдержавы и соответствующие правила ведения бизнеса. Решающим преимуществом таких сообществ оказывается их *экстратерриториальность*, подкрепленная всей государственной мощью державы-гегемона.

К концу XX в. внутренний рынок одной, главной страны – с его правовыми, финансовыми, политико-информационными, военно-дипломатическими и экономико-технологическими системами жизнеобеспечения – стал претендовать на то, чтобы, исходя исключительно из собственных интересов, подчинить себе всех прочих экономических агентов глобального рынка, установив полный контроль над мировыми ресурсами развития. Эта стратегия мирового гегемона полностью разрушала перспективу нациестроительства в государствах, сформировавшихся в последнее столетие. Целью нациестроительства традиционно полагается формирование гражданской нации. Но «роскошь» этой формы политической организации при насаждаемой сегодня США системе контроля глобального

доступа к ресурсам развития могут позволить себе далеко не все сообщества современного мира. Даже для «благополучных», классических западноевропейских наций поддержание этой политической формы становится все более трудной задачей. В результате для многих политических сообществ актуализируется немислимая ранее проблема выбора между двумя теперь уже альтернативами (при невозможности их практического совмещения) – развитием и гражданской формой существования.

Итак, эволюция миропорядка, выстраиваемого на основе глобальной системы национально-территориальных государств, закономерно привела мир в ловушку *униполярной дисфункции*. Выявилась принципиальная дефектность понятия национально-территориального государства как универсальной единицы политического обустройства современного мира. Проведенная в прежние века *редукция* понятия государства¹⁵ вытеснила фактически за рамки данного понятия ключевые составляющие этого феномена мирового политического развития. Речь идет, во-первых, об альтернативном, имперском (не территориальном) принципе организации государственности. Во-вторых, обо всей проблематике *эволюции* государства, в ходе которой порождаются и распространяются в пространстве международной политики исторические волны его (государства) парадигмальной реконструкции. В-третьих, о фундаментальном факте симбиотического сосуществования системы территориальных государств с глобальной и экстратерриториальной системой капитализма – главного бенефициара экспансии национально-территориального принципа политической организации.

Что же касается причины неизбежного попадания мира в эту «униполярную ловушку», то наиболее «самоочевидным» объяснением представляется физическое исчерпание возможностей экспансии идеал-типической модели национально-территориального государства. Исчерпание неизбежно ввиду конечности территории

¹⁵ М. В. Ильин справедливо указывает на изначальную концептуальную широту представлений о государстве: «...и государство, и государственность оказываются целым собранием разнородных явлений и понятий, то есть так называемыми зонтичными понятийными категориями. ...Существуют признанные члены мирового сообщества, среди которых попадают существа разных пород и видов, а то и отрядов и семейств...» (Ильин 2008: 10, 11).

земной суши – необходимого пространства для такой экспансии. И это обстоятельство однозначно обуславливает (в ходе накопления опыта конфликтных столкновений субъектов территориально мотивированной политики) коллапс глобальной структуры покрывающего всю земную твердь континуума таких государств.

Вызовы грядущих трансформаций

Противоречие между растущим дискомфортом сообществ, ощущающих туманность национальной перспективы, и энтузиазмом политических и хозяйствующих элит, зачастую открыто пренебрегающих задачами нациестроительства, со временем лишь нарастает, прежде всего ввиду того, что «коллективный Запад», генерирующий и вменяющий повсеместно нормы либеральной демократии (не только новым сообществам Юго-Восточной и Центрально-Восточной Европы, но и всему остальному незападному миру), лишь усиливает свое давление, не обращая внимания на симптомы глобального неблагополучия и все более явного неприятия такой западной стратегии. Ситуация в последние десятилетия последовательно усугублялась такими тектонической силы подвижками, как изменение стратегического курса РФ (особенно в период второй легислатуры В. В. Путина), глобальным финансовым обвалом 2008 г. (последствия которого ощущаются и по сей день), а также лавинообразными событиями последних шести лет (2014–2019 гг.).

Особенно характерным проявлением стратегической линии Запада *на обострение*, на то, чтобы любое препятствие на его пути к цели (к унифицированному по западным лекалам миропорядку) преодолевать исключительно путем усиления давления, вплоть до применения прямого военного вмешательства, стал проект «арабской весны». На эту тему существует обширная литература, в том числе исследования разного рода факторов и предпосылок, сделавших возможной колоссальную радикализацию ближневосточной и североафриканской политики (см., например: Коротаяев и др. 2017; Барановский, Наумкин 2018; Гринин 2019). Вместе с тем не следует пренебрегать и анализом политической мотивации лидеров Запада, давших (сознавая или не вполне сознавая последствия своих действий) этому проекту зеленый свет.

События «арабской весны» вели не только к гомогенизации исламских сообществ этого региона (что было предсказуемо и практически очевидно), но и – посредством неизбежно возрастающих миграционных потоков – к культурной диверсификации Европы, давали повод к пересмотру «устаревших» и затрудняющих униполярную трансформацию норм и принципов «старого миропорядка», нагруженных пережитками эпохи биполярности.

Но именно движение Запада в этом направлении, его очевидная заинтересованность в демонтаже прежних ограничителей политики универсализации вызвали реакцию со стороны правопреемника «второго полюса эпохи биполярности», Российской Федерации, повлекли чрезвычайно резкое обострение ее латентных противоречий с Западом, и прежде всего с его лидером и гегемоном – США. Причем инициатива обострения исходила от обеих сторон. И более того, именно в последние годы в дискурсе политологов все более откровенно стала звучать тема Империи (см., например: Murray, Brown 2012; Reich, Lebow 2014; Berger, Miller 2015; Паин, Федюнин 2017; Tizzard 2017; Duncombe, Dunne 2018; Ikenberry *et al.* 2018) как перспективной и даже более адекватной государственной формы реализации стратегических интересов старых и новых держав. Все более очевидная неадекватность модели национально-территориального государства способствует сегодня формированию особой подгруппы государств, в которых потребность поддержания государственной целостности и суверенитета сформировала запрос на привлечение ресурсов консолидации политического сообщества иной, не столько рыночной или идеологической природы (пресловутой *национальной идеи*), сколько культурно-цивилизационной (подробнее см.: Лапкин 2017: 89, 97–99). Более того, именно реально состоявшиеся национальные государства (государства-нации), сумевшие сохранить основы своего суверенитета и определенную автономность внутреннего рынка, сегодня делают новую попытку «создания и переформатирования имперской структуры в качестве рамки, “надстройки”, которая призвана обеспечивать им геополитическое и геоэкономическое могущество» (Паин, Федюнин 2017: 56). Впрочем, стоит напомнить, что предыдущая такого рода попытка окончилась в начале XX в. массовым крахом империй и установлением имперской гегемонии (универ-

сальной и исключительной) США. Ситуация с тех пор радикально изменилась, но прежний опыт, безусловно, заслуживает внимательного изучения.

Ярким проявлением конфликта гегемонистской американской элиты с компрадорскими элитами остального мира может служить экономическая война между США и КНР. Оценив возросшие аппетиты своего недавнего, как они считали, «экономического вассала», Соединенные Штаты в лице администрации президента Д. Трампа пришли к выводу, что прежде установленный ими же порядок экономических взаимоотношений теперь им невыгоден и должен быть пересмотрен. Этот повторяющийся во внешней политике США прием пересмотра ими самими же установленных норм взаимоотношений, ставших теперь для них обременительными, можно наблюдать и в отношениях с другими странами. Причем не только в сфере экономики и финансов, но и прежде всего в сфере безопасности (например, отказ от ядерной сделки с Ираном и «договоров по ограничению» с РФ).

И если взглянуть на произошедшее в целом, то распад СССР в 1991 г. и попытка трансформировать многонациональную Россию в «стандартное» национальное государство обозначили своего рода ключевой поворот всемирной истории, во многом обусловивший главную интригу и главный геополитический вызов XXI в., вызов иерархическому униполярному миропорядку *Pax Americana*.

Проект эпохи 1990-х гг. – преобразование Советской империи и ее государств-сателлитов в весьма разнородное множество насаждаемых на территории бывшего социалистического лагеря национально-территориальных государств – по сути продвигал особого рода *симулакр государственности*. Вменяемый заново формируемым государствам институциональный дизайн был, с одной стороны, обусловлен стремлением стороны, победившей в биполярном противостоянии, гарантировать их последующую скорейшую и беспроблемную интеграцию в разного рода наднациональные структуры. Глобальное влияние этих последних распространялось на сферы экономики, права, финансов, общественных отношений, международной политики и безопасности и сводилось к последовательному отчуждению элементов суверенитета новых государств в пользу этих структур. С другой стороны, залогом успешного

функционирования этого *симулакра государственности* была глубокая внутренняя дефектность территориальных сообществ посткоммунистических, и особенно постсоветских, стран. Большинство из них (прежде всего в ряду постсоветских кейсов) не сложились в нацию и не имели опыта институционального представительства общественных интересов, беспроблемных границ и этнически бесконфликтного состава (в последнем случае – за исключением *de facto* этнически однородной Армении). Этот насаждаемый *симулакром* открывал – для тех внешних сил, что продвигали его как символ демократии, – возможность контролировать и направлять извне политические процессы в этих сообществах, более того, в решающей степени программировать их течение.

Но на рубеже 1990–2000 гг. случилось непредвиденное... Еще с конца 1980-х гг. державы – победители в холодной войне открыто демонстрировали жесткое неприятие попыток России вернуть себе свой прежний ареал зависимых территорий. Послание (*message*) Запада, адресованное РФ, состояло в невозможности для нее возвращения на прежние рынки (Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, Закавказья, Центральной Азии), в неприемлемости такого сценария развития для Запада, уже стратегически включившего эти потенциальные рынки в сферу перспективного освоения западными капиталами. Эта недалёковидная стратегия Запада фактически закрывала для нашей страны возможности построения полноценного национального государства, поскольку лишала ее доступа к необходимой для этого ресурсной базе. В результате в начале нового тысячелетия Россией вновь был избран альтернативный путь: отход от идеологем «строительства нации» и «продвижения демократии» в пользу государственного строительства на обновленных (модернизированных) «цивилизационно-имперских» принципах, предполагающих своего рода «институциональный коллаж». Иными словами, такой институциональный дизайн, когда в едином (*не* национально-территориальном) теле государственности сосуществуют элементы разной природы, работающие в конечном счете на консолидацию сообщества в рамках такой государственности.

Сегодня симптомы кризиса национального государства и формируемой на его основе мировой системы очевидны, наличие кри-

зиса практически общепризнанно. Так, например, авторитетные в либеральных кругах российские авторы пишут: «...экономическая глобализация, рост международной мобильности, появление феномена транснационализма и диаспор, существующих благодаря современным средствам коммуникации в логике глобальности; наконец, формирование наднациональных образований по типу Евросоюза – все это должно в конечном счете разрушить или хотя бы существенно ослабить национальное государство...» (Паин, Федюнин 2017: 61). Более того, уже не вызывает дискуссий вывод о неизбежности трансформации миропорядка, выстроенного на основе системы таких государств (см., например: Барановский 2017). Вызовом для политической концептуализации и политической практики являются проблемы качества и характера такой трансформации, природы ее субъектного измерения и существа целеполагания.

В ходе постиндустриальной глобализации последних десятилетий была сформирована глобальная олигархия, представляющая собой единство глобального (экстратерриториального) финансового капитала и политических элит державы-гегемона. Но в последнее время вызывает вопросы ее способность, при такой конфигурации глобального управления, выступать в роли эффективного промотора капиталистической экспансии. Прежняя система территориального контроля посредством континуума национально-территориальных государств не обеспечивает развития и провоцирует стагнацию капитализма, побуждает олигархию искать новые принципы управления глобальным пространством. В частности, пытаться радикально реформировать систему территориального контроля на основе неиерархической глобальной организации политической власти, с привлечением политических элит региональных держав, объединенных интересами приращения капитала в обновленном сообществе глобальной олигархии. Актуальным вызовом XXI в. становится проблема выработки (подобно Вестфальской системе) *новой системы отношений между державами, использующими экстратерриториальные принципы мобилизации необходимых им для развития ресурсов*. Это, в свою очередь, ставит перед каждой из них трудную задачу разумного самоограничения и выработки компромисса с иными себе подобными.

Такая неоднозначная перспектива побуждает максимально кратко, тезисно сформулировать вызовы, встающие перед политической наукой первой половины XXI в. (большинство из них, безусловно, остаются за рамками данной статьи, но тем не менее требуют от политологического и экспертного сообществ в самое ближайшее время серьезных исследовательских усилий).

Главной интригой и главным геополитическим вызовом XXI в. остается поиск некатастрофического для мира решения проблемы демонтажа иерархического миропорядка *Pax Americana*. Связанными с этой проблемой являются: а) разработка подходов к изучению феноменов экстратерриториальной юрисдикции; б) исследование возможностей инверсии взаимоотношений универсализма и автохтонных ценностно-культурных пространств и пр.; в) разработка геостратегических альтернатив режиму униполярности глобальной системы региональных (цивилизационно ориентированных) государственных образований. В последнем случае речь идет о державах, способных адаптировать политический арсенал модерна к собственной уникальной ценностно-культурной среде и тем самым обустроить глобальное политическое пространство на новых основаниях глобального сосуществования, по новым системным правилам.

В ряду вызовов более специального характера следует отметить растущую потребность в становлении конкурентного глобального «пространства разнообразия» культурных моделей развития, разнообразия культурно-цивилизационных практик, ценностных и идейных альтернатив, дополняющих и трансформирующих классические принципы институционального обустройства современного государства.

Наконец, возвращаясь на новом этапе (пресловутом витке диалектической спирали) к одному из ключевых вопросов политической повестки эпохи зарождения и первых попыток практического воплощения принципа территориальной государственности, к вопросу о *политической субъектности*, сформулируем еще один актуальнейший сегодня вызов миру политики. В формулировке, данной в свое время Карлом Поланьи, он звучит условно как императив, обращенный к современному обществу: способно ли оно взять под контроль «стихию» капиталистического рынка или же, напро-

тив, рынок поставит под свой тотальный контроль общество? Сегодня эта дилемма, лишь актуализировавшаяся за прошедшие восемьдесят лет, предстает как настоятельная потребность политического выбора стратегической перспективы *развития (либо неразвития)* в современном глобализованном мире.

Литература

Ахременко, А. С., Горельский, И. Е., Мельвиль, А. Ю. 2019. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания. *Полис. Политические исследования* 2: 8–23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>.

Барановский, В. Г. 2017. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений. *Полис. Политические исследования* 3: 71–91. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.05>.

Барановский, В. Г., Наумкин, В. В. 2018. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности. *Полис. Политические исследования* 6: 8–31. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.02>.

Гринин, Л. Е. 2019. Исламизм: история и современность. *История и современность* 2: 3–35. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2019.02.01>.

Ильин, М. В. 2008. Возможна ли универсальная типология государств? *Политическая наука* 4: 8–41.

Ильин, М. В., Кудряшова, И. А. (ред.). 2011. *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности*. М.: МГИМО-Университет. 248 с.

Ильин, М. В., Мелешкина, Е. Ю. 2010. *Балто-Черноморье: времена и пространства политики*. Калининград: Изд-во КГУ им. И. Канта. 386 с.

Коломер, Ж. 2008. Великие империи, малые нации: неясное будущее суверенного государства (реферат). *Политическая наука* 4: 42–61.

Колосов, В. А. 2018. Пограничные исследования в России и за рубежом: теоретические подходы и достижения. В: Колосов, В. А. (ред.), *Российское пограничье: вызовы соседства*. М.: ИП Матушкина И. И. С. 17–38.

Коротаев, А. В., Шишкина, А. Р., Лухманова, З. Т. 2017. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 6: 150–168. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.11>.

Лапкин, В. В.

2017. Социально-политический контекст трансформации идентичности в XXI веке. В: Семенов, И. С. (отв. ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М.: Весь мир. С. 88–101.

2018а. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка. *Полис. Политические исследования* 4: 37–55. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04>.

2018б. Пространственно-территориальные альтернативы политического развития в эпоху глобальной трансформации. *История и современность* 4: 30–49. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2018.04.02>.

Макрон заявил о конце гегемонии Запада. 2019. *РИА Новости* 27 августа. URL: <https://ria.ru/20190827/1557952804.html> (дата обращения: 27.08.2019).

Окунев, И. Ю. 2013. Политико-географические аспекты государственности. В: Гаман-Голутвина, О. В., Окунев, И. Ю. (ред.), *Сравнительная политология: трансформации мирового порядка, региональных режимов и государственности. Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.* М.: Аспект Пресс, МГИМО-Университет. С. 23–34.

Паин, Э. А., Федюнин, С. Ю. 2017. *Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием.* М.: Мысль. 266 с.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития.* Дубна: Феникс+. 456 с.

Скиннер, К. 2002. *The State.* В: Хархордин, О. В. (ред.), *Понятие государства в четырех языках.* СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, Летний сад. С. 12–74.

Страус, А. Л. 1997. Униполярность (Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России). *Полис. Политические исследования* 2: 27–44.

Berger, S., Miller, A. 2015. *Nationalizing Empires.* Budapest: Central European University Press. 691 pp.

Colomer, J. M. 2007. *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State.* London; New York: Routledge. 114 pp.

Duncombe, C., Dunne, T. 2018. After Liberal World Order. *International Affairs* 94(1): 25–42. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iix234>.

France: Macron reconnaît “la fin de l’hégémonie occidentale sur le monde”. 2019. *TRT Français* Août 27. URL: <https://www.trt.net.tr/francais/europe/2019/08/27/france-macron-reconnait-la-fin-de-l-hegemonie-occidentale-sur-le-monde-1259398> (дата обращения: 27.08.2019).

Ikenberry, G. J., Parmar, I., Stokes, D. 2018. Introduction: Ordering the World? Liberal Internationalism in Theory and Practice. *International Affairs* 94(1): 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iix277>.

Kolstø, P. 2006. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States. *Journal of Peace Research* 43(6): 723–740. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343306068102>.

Machiavelli, N. 1961. *Il Principe*. Torino: Einaudi. 99 pp.

Murray, D., Brown, D. (eds.). 2012. *Multipolarity in the 21st Century: A New World Order*. New York: Routledge. 224 pp.

Reich, S., Lebow, R. N. 2014. *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton: Princeton University Press. 208 pp.

Skinner, Q. 1989. The State. In Ball, T., Farr, J., Hanson, R. L. (eds.), *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge; New York; Melbourne: Cambridge University Press. Pp. 90–131.

Tizzard, D. A. 2017. American Unipolarity: The Uneven Distribution of Power. *Global Politics Review* 3(2): 10–25. URL: http://www.globalpoliticsreview.com/publications/2464-9929_v03_i02_p010.pdf (дата обращения: 10.08.2018).